

УДК 342.9

ТЕОРИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

С. Н. Махина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2015 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы формирования теории доказывания и доказательств в административном судопроизводстве; обосновываются необходимость выделения особенностей доказывания, их развития и юридического оформления для достижения целей административного судопроизводства; проводится анализ нормативной основы (глава 6 Кодекса административного судопроизводства РФ) и формулируются предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: административное судопроизводство, доказательство, доказывания, нормативно-правовое регулирование.

Abstract: the article concerns issues of formation of the theory of proof and evidence in administrative proceedings; justifies the need to provide proof features, their development and legal registration for the purposes of the administrative proceedings; an analysis of the normative basis (Chapter 6 of the Code of Administrative Justice of Russian Federation) and formulates proposals to improve it.

Key words: administrative proceedings, evidence, proof, legal regulation.

Споры о своеобразии и оригинальности или же о тождественности административного судопроизводства гражданскому и арбитражному не утихают как до разработки Кодекса административного судопроизводства, так и после подписания этого нормативного акта Президентом РФ. Представители цивилистической науки активно отстаивают точку зрения о том, что административное судопроизводство неправомерно рассматривать как самостоятельный правовой институт, поскольку его юридическая материя по всем основным параметрам совпадает с гражданско-(арбитражно)-процессуальной¹.

171

Однако, по нашему твердому убеждению, такой подход к определению административного судопроизводства не соответствует современным реалиям правовой действительности, более того, прямо противоречит целям правовой политики и модели правовой системы, которые формируются и реализуются в Российской Федерации. Одним из самых существенных юридических оснований для такого утверждения является конституционное обособление административного судопроизводства от иных видов

¹ См.: Свиридов Ю. К. Судебное доказывание по делам, возникающим из публичных правоотношений // Общество : политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 160–164.

процессуальной деятельности судов (ч. 2 ст. 118). Представляется, что в свое время законодатель мыслил именно о полной институциональной автономности и правовой обособленности этого вида судопроизводства, поскольку в противном случае вряд ли выделил бы административное судопроизводство наряду с такими самостоятельными видами, как конституционное, уголовное и гражданское. Как подтверждение этому можно привести ситуацию с развитием арбитражного судопроизводства, поскольку, не признавая его самостоятельной формой реализации правосудия (не упоминая его в ст. 118 Конституции РФ), законодатель, тем не менее, оформил его определенную правовую и организационную самостоятельность, но в пределах такого вида судопроизводства, как гражданское. Следовательно, относительно полной обособленности административного судопроизводства от гражданского сомнений возникать объективно не должно, а любые стремления к отождествлению этих видов судопроизводства в большем объеме, чем это характерно вообще для любой процессуальной судебной деятельности, безосновательны.

В качестве основной задачи современного периода выступает задача формирования оптимально работающего, удобного и для правоприменителей, и для заявителей, эффективного и рационального механизма административного судопроизводства. Имеющийся в настоящее время набор средств правового регулирования, содержащихся в новом Кодексе, несовершенен и «страдает» значительным числом автоматических и не всегда удачных заимствований из ГПК и АПК, а наряду с этим пробелов, коллизий и иных правовых негативов. Это естественно, поскольку в правовое пространство Российской Федерации вводится не только не функционировавший ранее в столь объемном варианте институт, но и институт, который был как бы «растворен» в содержании другого института – гражданского (арбитражного) процесса, что долгое время являлось причиной искусственного сглаживания особенностей судопроизводства по делам о защите субъективных публичных прав и разрешении публично-правовых споров.

Поэтому дальнейшее усовершенствование впервые предложенного *самостоятельного* механизма административного судопроизводства – процесс неизбежный, который будет обуславливаться, с одной стороны, правовой (в частности, административно-судебной) практикой, а с другой – выводами правоведов относительно коррекции модели российской административной юстиции и включения в ее содержание тех средств и способов, которые показывают свою результативность, в том числе и в зарубежной практике.

Об особенностях административного судопроизводства и о необходимости их развития говорилось задолго до принятия КАС РФ, причем не только в среде ученых и практиков-юристов, но и на самом высоком политическом уровне. Так, уже в 2012 г. В. В. Путин ставил вопрос не только о необходимости введения административного судопроизводства в целях специального рассмотрения споров граждан с чиновниками, но и подчеркивал, что дух и смысл практики административного судопроизводства

исходят из того, что гражданин уязвимее чиновника, с которым он спорит, что бремя доказывания возлагается на административный орган, а не на человека, поэтому практика административного судопроизводства изначально ориентирована на защиту прав граждан².

Таким образом, подчеркнем следующие важнейшие для нашего исследования аспекты:

1) административное судопроизводство является самостоятельным видом судопроизводства и формой осуществления правосудия в РФ, что уже определено законодательно, но пока недооформлено организационно;

2) административное судопроизводство обладает не только общими с другими видами судопроизводства свойствами и характеристиками, но и собственными специфическими особенностями, определяющими его институциональную самостоятельность, в частности такими, как особая сфера реализации (сфера функционирования публичной власти); особый субъектный состав (одна из сторон – публично-властный субъект); особый предмет (публично-правовой спор); особые средства и способы (механизмы) достижения процессуального результата – разрешение административного дела³ (например, активная роль суда при решении некоторых вопросов судопроизводства; особенности бремени доказывания) и др.;

3) в отличие от старейших правовых конструкций гражданского и уголовного судопроизводства, а также достаточно «молодого», но получившего за два последних десятилетия свое активное развитие конституционного судопроизводства, административное судопроизводство пока не имеет своей собственной хорошо развитой и непротиворечивой доктрины, что отнюдь не означает допустимости ее отсутствия. Поэтому острой задачей, вставшей перед правоведами, стала задача формирования теории административного судопроизводства, основанной как на достижении общей процессуальной теории (теории судебного процесса), так и на выявлении, анализе и развитии собственной специфики, ее теоретическом осмыслении, обосновании и отражении в правовом регулировании.

Необходимость исследования с общепроцессуального и особо специфического ракурсов стоит перед каждым институтом развивающегося административного судопроизводства. Поскольку можно утверждать, что КАС РФ стал не только актом, который положил конец «бесконечным» научным дискуссиям о сути и содержании административного судопроизводства, но и *нормативным концептом* его целостной модели, то очевидно, что изучение и дальнейшее развитие элементов системы административного судопроизводства должно основываться на положениях КАС РФ или же осуществляться с их учетом. То есть дальнейшие научные изыскания должны начинаться с анализа норм КАС РФ, их содержательной емкости и «удачности», эффективности и качества, до-

² См.: Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.

³ О понятии категории «административное дело» наконец-то можно говорить как об унифицированной, легально определенной категории КАС РФ, в частности ст. 1.

статочности, корреспондирования целям и задачам административного судопроизводства, а также оценки «встроенности» в общую модель правового регулирования рассматриваемого вида судопроизводства. Очевидно, что актуальность такого анализа существенно возрастет с началом действия КАС РФ, по ходу формирования собственной административно-юстиционной правовой (судебной) практики применения норм кодекса.

Все сказанное в полном объеме должно быть применимо и к вопросам доказательств и доказывания в процессе разрешения административных дел посредством административного судопроизводства, поскольку именно эти две юридические категории – «доказательства» и «доказывание» – являются основными инструментами достижения целей и задач судопроизводственной деятельности и обеспечивают разрешение судом поступивших на его рассмотрение дел.

В ст. 3 КАС РФ называют четыре основные задачи. Анализ показывает, что две из них могут быть достигнуты (разрешены) только при условии надлежащего доказывания:

1) задача *защиты* нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений, которую осуществить без доказательств самого факта нарушения или наличия спора просто невозможно;

2) задача правильного и своевременного *рассмотрения* и *разрешения* административного дела, для решения которой важно не только собрать нужный объем доказательственной информации, но и сделать это в установленные законом сроки и по установленным правилам, а также познать и максимально объективно оценить всю представленную сторонами или полученную иными способами доказательственную (в том числе и противоречивую) информацию и на основе этой оценки вынести решение по делу, т.е. разрешить его.

Следует отметить хотя и опосредованную, но все же довольно значимую роль доказательств и доказывания и для решения двух других задач административного судопроизводства – задачи обеспечения доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений (так, без анализа количественно-качественных показателей доказанных и зафиксированных нарушений и споров о публичных правах невозможно определить уровень доступности и востребованности правосудия) и задачи укрепления законности и предупреждения нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений (например, именно доказанные правонарушения являются индикаторами уровня законности и показывают направления, по которым должны осуществляться соответствующие превентивные мероприятия).

Говоря о формировании самостоятельного административно-юстиционного направления теории доказывания и доказательств важно определить и такой аспект, как принципы, т.е. основные положения доказывания и доказательств в административном судопроизводстве.

Представляется, что правомерно говорить о двух системах принципов: 1) нормативной и 2) научно-практической.

Первая система принципов в полной мере отражена в базовом нормативном акте – Кодексе административного судопроизводства. Думается, что здесь следует опираться на следующую последовательность рассуждений, поскольку доказывание и доказательства выступают как часть, неотъемлемый элемент системы административного судопроизводства, то принципы, сформулированные в ст. 6 КАС РФ, в полном объеме будут распространяться и на категории доказывания и доказательств, т.е. по схеме «целое–часть». При этом нужно отметить сложность и многоаспектность при применении каждого из принципов, перечисленных в ст. 6, к доказыванию и доказательствам, т.е. помимо тех аспектов, которые отражены в соответствующих статьях КАС РФ, раскрывающих каждый из принципов, следует иметь в виду, что:

– *принцип независимости судей* будет проявляться также и в том, что судьи независимы в своей оценке доказательств, т.е. можно говорить, что принцип независимости судей является фундаментом для принципа свободы оценки доказательств, который прямо не сформулирован в КАС РФ, что, по нашему мнению, является не вполне верным. Безусловно, можно возразить, что ст. 84 «Оценка доказательств» и так говорит о независимой оценке (причем именно о свободной!) доказательств, поскольку аналогично со ст. 71 АПК РФ и ст. 67 ГПК РФ устанавливает, что суд должен оценить доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в административном деле доказательств, а также то, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы.

Однако думается, что применительно к такому виду судопроизводства, как административное, которое в силу специфики сферы, предмета и субъектного состава связано с властными (в том числе государственно-властными!) субъектами и субъективно-публичными интересами, провести аналогию правильнее не с теми видами судопроизводства, которые направлены на преимущественное удовлетворение именно частного интереса (гражданским и арбитражным), а с уголовным (ст. 17 УПК РФ), и, добавив в название и содержание ст. 84 КАС РФ слово «свободный», говорить в административном судопроизводстве именно о **свободной оценке доказательств**;

– *принцип равенства всех перед законом и судом* в рассматриваемом ракурсе проявляется:

во-первых, в установлении равных возможностей предоставления доказательств и участия в процессе доказывания, несмотря на особенность, связанную с тем аспектом, что в административном судопроизводстве бремя доказывания (обязанность доказывания) законности оспариваемых нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями в соответствии со ст. 62 КАС РФ, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное

лицо. Названная статья, защищая и обеспечивая равенство процессуальных возможностей, говорит о том, что иные участники административного процесса (административный истец, прокурор, органы, организации и граждане, обратившиеся в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц), *не обязаны* доказывать незаконность оспариваемых ими нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия). Но отсутствие обязанности не означает отсутствия права;

во-вторых, равенство процессуального положения сторон в административном судопроизводстве особенно важно, поскольку во внесудебных отношениях правовой (административно-правовой) статус «властных» и «невластных» субъектов принципиально различен и без специального процессуального «уравнивания» является существенной проблемой для процесса доказывания, для обеспечения и истребования доказательств, и т.п.;

– *принцип законности и справедливости* при рассмотрении и разрешении административных дел применительно к доказыванию и доказательствам реализуется в том, что:

во-первых, доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда;

во-вторых, КАС РФ предусматривает совокупность специальных средств, направленных на обеспечение законности и справедливости в случае противодействия сторон при предоставлении и обеспечении доказательств или в случае особых обстоятельств, например истребование доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе (ст. 63); поручение соответствующему суду того же либо нижестоящего уровня осуществить определенные процессуальные действия (ст. 66); назначение экспертиз по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе (ст. 77);

– вышеназванные способы обеспечения процесса доказывания направлены и на реализацию *принципа осуществления административного судопроизводства в разумный срок*, поскольку, как показывает судебная практика, затягивание предоставления требуемых доказательств или же отказ от их добровольного и в установленные сроки предоставления – явления отнюдь не редкие. Примечательно, что в понятие «разумный срок» КАС РФ включает и такой институт, как «ускорение рассмотрения административного дела», в целях чего председатель суда выносит определение, в котором могут быть установлены особые сроки для истребования доказательств, исполнения судебных поручений и т.п.;

– *принцип гласности и открытости судебного разбирательства* означает, что исследование представленных доказательств должно осуществляться открыто. Примечательно, что действие принципа гласности часто неразрывно связывается с такими началами судопроизводства, как непосредственность и устность, что весьма детально исследовано процессуальными науками. Однако праведы отмечают, что этот принцип на

практике имеет ограничения не только правового (в частности, установление закрытого режима судопроизводства в соответствии с нормами законов), но и *неправового*, например организационного, характера. Так, реализация принципа гласности, очевидно, ограничивается тем, что доступ в здания судов не является свободным, поскольку размещение всех желающих в помещениях судебных заседаний ввиду нередко более чем скромной материальной базы судов (в частности, маленьких размеров таких помещений) просто технически невозможно. Однако применительно к административному судопроизводству, думается, что по отдельным категориям дел такой свободный доступ должен стать обязательным и практически обеспеченным организационно. Речь идет, например:

– о производстве по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов (глава 21 КАС РФ);

– о производстве по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих (глава 22 КАС РФ);

– о производстве по административным делам о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, ее регионального отделения или иного структурного подразделения, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации либо о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации, не являющихся юридическими лицами, либо о прекращении деятельности средств массовой информации (глава 27 КАС РФ).

В то же время, с одной стороны, реализация принципа гласности и открытости должна иметь разумные пределы в целях предотвращения нарушения прав участников процесса (например, в производстве по административным делам о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (глава 28 КАС РФ)), а с другой – достаточно сложно и проблематично установить универсальные и объективные, но не противоречащие действующему законодательству критерии ограничения рассматриваемого принципа (речь не идет о тех случаях, которые уже установлены положениями о разбирательстве административных дел в закрытых судебных заседаниях, в частности в ст. 11 КАС РФ). Наличие в правовых системах таких критериев, думается, вполне допустимо, поскольку на основании п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод либо п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах суд вправе рассмотреть дело в закрытом заседании, и при этом пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или его часть по соображениям *морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе*.

При решении вопроса об уровне гласности и открытости административного судопроизводства в целом и доказывания в частности суду нужно отдавать приоритет не формальному обеспечению принципа, а обеспеченности и защите реальных прав и интересов участников судопроизводства. В связи с этим уместно привести удачно перефразированное В. Бозровым высказывание В. И. Ленина: «Сегодня в правосудии наступил период «недозированной» гласности, которая по-своему ведет к ущемлению прав участников уголовного судопроизводства, и в особенности тех, которые связаны с охраной личной либо семейной тайны. В этом смысле, возражая классику революционной идеи, замечу, что в уголовном судопроизводстве гласность есть меч, который не всегда сам исцеляет наносимые им раны (см.: *Ленин В. И.* Гласность есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 53). На роль такого «меча» может претендовать лишь двуединство гласности и тайны в судопроизводстве, их разумное соотношение»⁴;

– принцип непосредственности судебного разбирательства не только практически не исследован применительно к разрешению дел в порядке административного судопроизводства, но и крайне малоинформативно и малосодержательно сформулирован в КАС РФ, где в ст. 13 «Непосредственность судебного разбирательства» только определено, что «суд при рассмотрении административного дела обязан непосредственно исследовать все доказательства по административному делу».

Однако, уточняя суть этого принципа и опираясь на выводы, к которым пришли исследователи иных видов судопроизводства (судебного процесса), можно утверждать, что и сам принцип по содержанию, и его реализация являются сложными и многоаспектными и выражаются, во-первых, в том, что между судом и доказательствами, на основании которых он будет разрешать дело, при восприятии им (личном восприятии) этих доказательств не должно быть промежуточных звеньев; во-вторых, эти доказательства должны быть первоисточниками сведений о фактах, имеющих значение для разрешаемого дела⁵.

Эти основные параметры непосредственности позволяют сформулировать следующую (в значительной степени обобщенную) дефиницию – под непосредственностью судебного разбирательства в административном судопроизводстве следует понимать такой способ исследования доказательств в судебном разбирательстве, согласно которому суд, рассматривающий административное дело, обязан в судебном заседании лично ознакомиться с доказательствами, на основании которых он будет разрешать это дело по существу и воспринимать содержащиеся в них сведения об исследуемых фактах непосредственно из первоисточников этих сведений.

⁴ Бозров В. Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2002. № 2. С. 30–31.

⁵ См.: *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 22 ; *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 157.

Назначением принципа непосредственности являются: 1) устранение возможных искажений при получении судом необходимых для разрешения дела сведений; 2) формирование у судей твердого и обоснованного внутреннего убеждения по вопросам, необходимым для разрешения административного дела по существу; 3) установление всех исследуемых по делу фактов, имеющих значение для решения суда.

Все это дает основания утверждать, что непосредственность выступает не только в качестве принципа административного судопроизводства, но и является существенным условием и гарантией достоверного установления всех значимых, необходимых и достаточных фактов, а в конечном итоге достижения материальной (а в некоторых случаях – формальной) истины по делу. Думается, что здесь вполне уместно вспомнить слова известного процессуалиста М. С. Строговича, которые в полной мере применимы и к административному судопроизводству, поскольку указывают на значение непосредственности для обеспечения *прав сторон* в судебном разбирательстве, так как стороны «...пользуются возможностью участвовать в исследовании всех доказательств, которые имеют значение для правильного разрешения дела, и им гарантировано, что ни одно доказательство, не исследованное судом при участии сторон, не будет положено судом в основание приговора»⁶, или, более обобщенно, – в основание судебного решения;

– абсолютно своеобразные содержание и реализацию в административном судопроизводстве в связи с доказыванием приобретает *принцип состязательности и равноправия сторон*, поскольку уже в самом определении принципа (п. 7 ст. 6 КАС РФ) есть дополнение – «*три активной роли суда*». И это дополнение для административно-судопроизводственной деятельности является ключевым, придающим этому виду реализации правосудия уникальность и выводящим его за рамки всех иных видов судопроизводства, поскольку:

– суд, хотя и при условии сохранения независимости, объективности и беспристрастности, осуществляет руководство судебным процессом, и – что принципиально важно для доказывания в административном судопроизводстве – может и должен оказывать содействие в реализации прав сторон, создавать условия и принимать соответствующие меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для выявления и истребования *по собственной инициативе* доказательств (п. 2 ст. 14);

– стороны пользуются *равными* правами на представление доказательств, участие в их исследовании;

– сторонам *обеспечивается* право представлять доказательства суду и другой стороне по административному делу, заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения административного дела вопросам, связанным с представлением доказательств (п. 3 ст. 14).

⁶ Строгович М. С. Указ. соч. С. 157–158.

То есть активная роль суда в ст. 14 достаточно хорошо (хотя и обобщенно) обозначена. В связи с этим возникает вопрос – какими логическими обоснованиями руководствовался законодатель, когда допустил «вольности» в наименовании принципа в разных статьях Кодекса административного судопроизводства, вероятно, имея в виду один и тот же принцип:

– в п. 7. ст. 6. «Принципы административного судопроизводства» назван принцип «состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда»;

– ст. 14 называется «Состязательность и равноправие сторон», т.е. об активной роли суда в заглавии статьи уже почему-то не говорится;

– в содержании ст. 14 словосочетание «активная роль суда» не используется.

Возникают вопросы: зачем вводить в ст. 6 правовую конструкцию и терминологию, которые в самом кодексе не получают своего развития, более того, ни разу (кроме данного пункта) не используются; почему столь важная для сущности административного судопроизводства конструкция не получает своего дефинитивного закрепления и раскрытия содержания; почему об активной роли суда в КАС РФ говорится только применительно к состязательности и равноправию сторон; разве активная роль суда не проявляется, например, при практической реализации принципа равенства всех перед законом и судом?

Таким образом, КАС РФ нуждается в усовершенствовании, касающемся развития конструкции «активная роль суда», в целях чего целесообразно:

– сформулировать самостоятельный принцип – «активная роль суда в административном судопроизводстве при условии сохранения независимости, объективности и беспристрастности», дополнив пунктом 8 статью 6;

– убрать из пункта 7 статьи 6 слова об активной роли суда;

– сформулировать самостоятельную статью 14.1, дающую понятие и раскрывающую содержание активной роли суда с перечислением всех аспектов судебной активности.

Представляется, что такой подход будет способствовать не только более глубокому определению сути и особенностей административного судопроизводства, но и более детальному установлению круга «активных» полномочий суда в процессе доказывания и в процессе всех видов работы с доказательствами.

Что касается научно-практических принципов доказательств и доказывания, то обобщенно они сформулированы в рамках общего доказательственного права, постулаты которого исследуются и применительно к отдельным отраслям. В административном судопроизводстве пока таких исследований явно недостаточно, в настоящее время есть только контуры научного познания, а создание целостной системы научных взглядов на принципиальные основы доказательств и доказывания в административном судопроизводстве – перспективная задача.

Тем не менее в целях формирования собственно административно-судопроизводственной теории доказательств и доказывания следует привести краткую обзорную характеристику общих принципов доказательственного права, которые можно подразделять на группы в зависимости от их направленности, целей и задач⁷.

Так, к первой группе относится совокупность основных начал, которые призваны обеспечивать объективное, беспристрастное разрешение спора при условии соблюдения процессуальной формы субъектами доказательственной деятельности. В рамках этой группы выделяются принципы:

- определяющие статус суда и участников процесса (например, принцип равноправия сторон, принцип независимости судей и подчинения их только закону, принцип беспристрастности судей);
- определяющие процедуры и способы исследования доказательственного материала (например, принцип устности, непосредственности и непрерывности судебного разбирательства);
- относящиеся к доказательственному материалу – принципы доказательств (например, принцип относимости и допустимости доказательств).

В другую группу сведены принципы, обеспечивающие соблюдение участниками доказательственной деятельности «логической формы», выполнение законов логики, которая должна быть понятна в первую очередь суду. Эти принципы находят выражение в *правах и обязанностях* участников доказательственной деятельности, которые закреплены в соответствующих процессуальных актах (в частности, в КАС РФ).

Еще одна группа включает принципы, обеспечивающие возможность суда и сторон воздействовать на доказательственную деятельность, т.е. принципы, определяющие активность участников в процессе (например, принцип состязательности, принцип диспозитивности).

Завершая краткую характеристику принципов, подчеркнем, что, поскольку нормативные и научно-практические принципы абсолютно взаимосвязаны и по сути представляют единое правовое явление, их рассмотрение, исследование и практическое воплощение не могут осуществляться отдельно.

Принятый КАС РФ ввиду отсутствия стройной унифицированной теории административного судопроизводства в настоящее время выполняет очень важную функцию – функцию правовой концепции, поэтому развивать административно-судопроизводственную (административно-юстиционную) правовую теорию следует на уже имеющемся нормативном материале, т.е. нормах Кодекса. Это обуславливает необходимость глубокого научно-практического анализа положений главы 6 КАС РФ «Доказательства и доказывание», чтобы формируемая теория доказательств и доказывания в административном судопроизводстве не стала

⁷ См.: Дегтярев С. Л. К вопросу о принципах доказательственного права // Рос. ежегодник гражданского и арбитражного процесса. №1 (2001). М., 2002. С. 336.

противоречивым тормозом, а выступила базой, основой дальнейшего «совершенствующего» правотворчества, а также определила необходимые корректирующие направления.

Считаем перспективным направлением развития теории доказательств и доказывания более объемную проработку вопросов и вследствие этого – обоснование отдельной регламентации доказательств и доказывания в КАС РФ, т.е. речь идет о моделировании двух самостоятельных глав – «Доказательства в административном судопроизводстве» и «Доказывание».

Еще раз подчеркнем, что речь идет о разработке именно *перспективной* модели правового регулирования, поскольку до тех пор, пока не начнет формироваться правовая (судебная) практика реализации положений КАС РФ, пока не будут осуществлены соответствующие мониторинг и анализ, пока не изменится уровень правосознания граждан и пока идея тяжб с чиновничеством и решения иных публичных споров по нормам нового кодекса не станут привычными, говорить с должной долей уверенности о том, какие изменения нужны теории доказательств и процессу доказывания, невозможно.

Воронежский государственный университет

*Махина С. В., доктор юридических наук, профессор кафедры административного и муниципального права
E-mail: svetlana_mahina@mail.ru
Тел.: 8-952-955-43-05*

Voronezh State University

*Makhina S. N., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Administrative and Municipal Law Department
E-mail: svetlana_mahina@mail.ru
Tel.: 8-952-955-43-05*